

Т. Б. Рябова

МАТЕРИНСКАЯ И ОТЦОВСКАЯ ЛЮБОВЬ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Читая произведения русских средневековых авторов, обращаешь внимание на акцентирование в них отличия материнского отношения к детям от отцовского, например: «Сын или дочь... сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери», «...отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напастей избавит» (2, с. 136—137).

Осознание различий женского и мужского, материнского и отцовского отношения к детям в различные периоды и в различных культурах является одной из тем тендерных исследований. В этой статье мы бы хотели остановиться на следующем вопросе: в чем видели специфику материнского и отцовского начала в отношении к детям, материнской и отцовской любви в средневековой России.

Среди источников, используемых в данной работе, — произведения различных жанров (дидактические труды, жития, летописи, исторические повести, философские трактаты), написанные в XII—XVII веках.

Русские средневековые авторы очень часто обращались к теме любви между родителями и детьми. Если был нужен символ заботливого отношения правителя к подданным (15, с. 377; 22, с. 643), хозяина дома — к слугам и домочадцам (2, с. 115; 17, с. 202), настоятельница монастыря — к монахиням (8, с. 214, 215), то авторы прибегали к образу родительской — материнской или отцовской — любви. «Чадолубие» — это обязательная черта женского идеала (1, с. 487); она отражена и в исторических портретах, например в образе княгини Ольги. Уже Нестор в «Повести временных лет» (XII век) при объяснении поступков княгини и ее сына Святослава постоянно использует мотив любви между родителями и детьми. Автор, негативно относясь к язычнику Святославу, не одобряет многочисленных и безуспешных попыток Ольги обратить того в христианство. В то же время летописец пытается понять трагедию матери, которая обрела Бога и знает, что ее единственный сын обречен на гибель души и муки адовы. Она молится за него каждый день (15, с. 243). Эти же события обрисованы в «Степенной книге» (XVII век) еще более выразительно: «Боголюбивая и чадолубивая Ольга, суровость души его видя и безумные речи слыша, но материнским чадолубивым сердцем страдая за него, плакала много» (8, с. 21). Пытаясь убедить Святослава вернуться в Киев, которому угрожали печенеги, киевляне используют такой аргумент: «Неужели не жаль тебе... старой матери, детей своих?» (15, с. 246). После смерти Ольги Святослав плачет по ней «великим плачем». «Он не уверовал во Христа, но по сыновней любви» выполнил просьбу матери и похоронил ее по христианскому обряду (8, с. 23). Эту любовь детей к родителям отражает фрагмент из «Домостроя» (XVI век): «Не забывайте трудов отца-матери... Ибо не сможешь и ты их родить и позаботиться так, как они о тебе» (2, с. 137).

Об отцовской любви к детям и заботе о них свидетельствует популярность на Руси такого жанра, как поучение отца к сыну.

На наш взгляд — обоснованию этого тезиса и посвящена настоящая статья — у авторов русских средневековых источников было ясное понимание специфики материнского и отцовского отношения к детям; к отцу и матери предъявлялись различные требования в отношении любви к детям. Чтобы понять причины этих различий, необходимо обратиться к представлениям о природе мужчины и женщины.

Уже в средневековье полагали, что женщине присуще скорее эмоциональное отношение к миру, чем рациональное. Логос, ум — это атрибуты мужчины, в то время как атрибут женщины — это душа. Поэтому для женщины отношения с окружающими — самооценочность, в то время как для мужчины — средство достижения каких-либо целей. В этом отношении показательны различия в материнском и отцовском поучениях к сыновьям. Князь Ярослав Мудрый завещает сыновьям любить друг друга: «И если будете жить в любви друг к другу, бог будет с вами и покорит вам врагов... Если же будете в ненависти жить... то погибнете...» (15, с. 308). Подобным же образом — соображениями политической целесообразности — обосновывается необходимость любить друг друга в Поучении князя Константина (XIII век) (43, с. 205). В единственном женском поучении, написанном княгиней Марией (XIII век), женой Всеволода Большое Гнездо, — просьба к сыновьям жить в мире и согласии, быть тихими, смиренномудрыми, проявлять любовь и милосердие, избегать ненависти и вражды (8, с. 227). Призыв любить друг друга ничем не обоснован — очевидно, княгиня убеждена, что он не нуждается в обосновании.

Считалось, что основное предназначение женщины — быть хранительницей домашнего очага. Мужчина предназначен для деятельности в публичной сфере, женщина — приватной. Мужчина защищает свою семью, ее интересы вне Дома, женщина — внутри его. Поэтому женщина воспринимает все происходящее в мире через призму взаимоотношений с «ближними», их блага; все обретает для нее личностный смысл. (Если воспользоваться терминологией Ф. Ницше, то женская, материнская любовь — это «любовь к ближнему», а мужская, отцовская — «любовь к дальнему».) В «Сказании о Мамаевом побоище» (XV век) есть эпизод, повествующий о молитвах князя Дмитрия и его жены княгини Евдокии перед Куликовской битвой. Дмитрий просит Бога даровать победу во имя блага русской земли и торжества христианской веры, Евдокия — во имя жизни и блага своей семьи: «Я же, грешная, имею теперь две отрасли малых, князя Василия и князя Юрия... Так возврати им, Господи, отца их, великого князя, здоровым, тогда и земля их спасется, и они будут всегда царствовать» (29, с. 153).

Понимание этого различия отражено и в главе «Домостроя», названной «Как мужу с женою и домочадцами в доме своем молиться Богу». Мужу рекомендуется молиться «о своих прегрешениях... о здравии царя и царицы, и чад их... бояр его, и о христоробивом воинстве, о помощи против врагов, освобождении пленных... и за всех христиан. Жене же нужно молиться о своих прегрешениях — и за мужа, и за детей, и за домочадцев, и за родичей, и за духовных отцов» (2, с. 125). Муж несет свою долю ответственности за все происходящее в христианском мире, женщина же целиком сосредоточена на интересах семьи.

Философский аспект различия отцовской и материнской любви проанализирован Эрихом Фроммом в известной работе «Искусство любить». По его мнению, «материнская любовь безусловна по самой своей природе. Мать любит своего новорожденного младенца потому, что это ее дитя, а не потому, что ребенок выполняет какие-то ее условия или оправдывает какие-то ее надежды...» (44, с. 131). «Меня любят потому, что я есть...» (44, с. 130). Любовь отца — это любовь на определенных условиях. Ее принцип: «Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды...» (44, с. 132). Отцовскую любовь надо заслужить. Следовательно, в основании отцовского и материнского отношения к детям лежат принципы, которые мы предлагаем назвать соответственно принципом справедливости (отец любит ребенка, если тот выполняет определенные его требования, и не любит, если не выполняет), и принципом милосердия (мать любит ребенка всегда, безотнositельно к соблюдению им норм).

По нашему мнению, средневековое представление о материнской и отцовской любви в эту схему вполне укладывается, что иллюстрируется достаточно широким кругом источников.

Так, условный характер отцовской любви отражает колоритный фрагмент из «Пчель» (XIII век): когда жена порицала мужа за то, что он не хочет видеть непутового сына, тот сказал, сплюнув: «И эта слюна от меня, да мне не на пользу» (28, с. 307). Отец выступает в роли справедливого судьи, предъявляя от имени социума определенные требования к его членам. В различных поучениях повторяется мысль, отраженная в «Домострое»: «Если же писания моего не примете, наставления не последуете, ответ за него дадите сами в день Страшного суда» (2, с. 115). Поэтому отцу необходимо угождать: «Утешающий мать свою творит волю божью и угождающий отцу в благодати проживет» (2, с. 137).

Реакция родителей на нарушение детьми требований также различна. «Сын или дочь, не послушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери» (2, с. 136). Отец гневается, он нередко прибегает к наказанию. Реминисценции Поучения отца к сыну Книги Сираха («Любящий сына своего палки для него не пожалеет», «Наказывай детей в юности — упокоят тебя в старости твоей») встречаются во многих русских текстах. Обратим внимание на формулу, часто употребляемую в «Домострое», — «страхом спасать» (см., напр.: 2, с. 134). Наказание — не только право отца, но и его обязанность. Он отвечает и перед Богом, и перед людьми за ребенка, поскольку, «казня его тело, душу его избавляешь от смерти» (2, с. 135). Поэтому, как пи-

сал Владимир Мономах, «...отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе...» (27, с. 61). Образ сурового и справедливого отца противопоставляется образу милосердной, прощающей матери, которая не может гневаться на ребенка. По мнению Ивана Грозного, именно «мать разрешает детям забавы в младенческом возрасте, ибо, когда они вырастут, то откажутся от них сами или по советам родителей, к более достойному обратятся» (12, с. 126). В «Повести временных лет» в эпизодах, когда ее персонажи заслуживают родительское осуждение, говорится о гневе отца (15, с. 283); когда же необходимо сочувствие — о слезах матери (15, с. 280). Мать жалеет детей: «Вы по своим детям понимаете, каково материнскому сердцу страдать по своему дитяти...» (13, с. 71). Именно матери оплакивают погибших сыновей: «Бедные наши чада, лучше для нас было бы, если бы вы не родились, тогда бы эту злострастную и горькую печаль в вашем убиении не испытали бы!» (9, с. 119).

Материнским слезам придается почти мистическая сила: «Одна лишь материнская слеза самые большие грехи и брани загладит» (28, с. 294). В центре «Повести о некоем убогом отроце» — образ матери, молитвами которой сын возвращается на путь истинный: «...Молитва матерне велико есть, а отеческое благословенье свято» (21, с. 347).

Мать для ребенка являлась заступницей, спасая его от всевозможных бед, представляя его интересы перед Богом. Именно мать, а не отец в приводимом уже фрагменте из «Домостроя» молится за детей (2, с. 125). Мать же защищала домашних и от гнева отца. Автор «Домостроя» советует «...госпоже же за слуг заступаться («печаловатися». — *Т. Р.*) при разбирательстве, тогда и слугам спокойнее» (2, с. 155) — эта норма касается отношений господина и слуг, но, очевидно, такова же была практика отношений родителей с детьми.

Исследование материнской и отцовской специфики отношения к детям было бы неполным, если бы мы не затронули другого важного вопроса, а именно: парадигма «мать — отец» проецируется в наших источниках на образы Богородицы и Спаса. Спас — это идеальный отец человека, Богородица — идеальная мать человечества. Данные образы, отражая существующие в обществе порядки, в свою очередь оказывали на них колоссальнейшее влияние. Хорошо известно, какую роль для национального самосознания русского народа играл образ матери Христа. Мы не касаемся вопроса о причинах особого отношения к ее культуре в России (А. Ф. За-малеев и В. Г. Зоц переориентацию русского православия с византийского культа Христа на культ Богородицы объясняют преобладанием женских божеств в языческом пантеоне). Отметим лишь, что точка зрения, согласно которой Богородица воспринимается в нашей стране как «главная заступница и покровительница русской земли», как «символ всей Руси», общепризнанна (35, с. 20). «Да получим и мы... это царство по молитвам Богородицы» (24, с. 519), — говорили, готовясь к сражению за Русскую землю, наши воины в «Повести о стоянии на реке Уфе» (XV век). Богородица воспринималась как мать христиан и человечества вообще. В «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году» (XV век) есть молитва, к ней обращенная: «Богородица, человеколюбивая по природе своей, не оставь

город этот милостью своей, но, как мать христианскому роду, защити, и сохрани, и помилуй его, наставляя и поучая его во все времена, как человеколюбивая и милостивая мать...» (18, с. 221).

Любовь Богородицы безусловна, то есть на ее помощь может рассчитывать любой грешник уже потому, что та является матерью всего христианского рода. К ней обращаются в любой момент, она последняя надежда человека. Среди эпитетов — «единственная спасительница и всегдашняя охранительница» (14, с. 133), «верная заступница и помощница» (25, с. 239), «заступница наша и молебница, защитница всему роду христианскому» (11, с. 25), «прибежище и стена от сетей вражеских и козней их» (4, с. 405). (Обратим внимание на корреляцию с приводимым выше фрагментом из «Домостроя»: идеальная мать обеспечивает ребенку безопасность.)

Для русского самосознания особое значение имеет праздник Покрова Пресвятой Богородицы, основанный на вере в то, что Богородица простирает свое покрывало над Русью, спасая ее от бед. В «Повести о Темир-Аксаке» (XIV век) именно на защиту Богоматери, на ее помощь в отражении нашествия Тамерлана уповает князь Василий III: «Она заступница наша и надежда наша» (25, с. 237). «Сказание о Мамаевом побоище» (XV век) повествует о том, как накануне Куликовской битвы князь Дмитрий Иванович обращается с молитвами и к Спасу, и к Богоматери, прося у той помощи и заступничества от врага (29, с. 149).

Обратим, однако, внимание на то, что Мать-Богородица защищает православных не только от врага, но и от Отца-Бога. Богородица — «молебница к сыну своему Богу нашему» (23, с. 328). Она вымаливает у Бога прощения для христиан совсем так же, как мать молит отца о прощении детям. «Человеколюбивый Бог хотел спасти и освободить род христианский молитвами его пречистой матери от плена измаилтянского» (9, с. 113).

Сергий Радонежский так обращается в молитве к Богородице: «Будь нам, недостойным, защитницей, постоянно моли сына своего и Бога нашего... На твою, мать... защиту и молитвы надеемся...» (4, с. 395). Эту сторону образа Богородицы отражает ее титул «предстательница» (7, с. 107). Она является как бы посредницей между Богом и людьми. Сходство с зафиксированной в «Домострое» нормой для идеальной матери, о которой шла речь выше, очевидно.

Вероятно, наиболее наглядно роль Матери-Богородицы как заступницы рода человеческого перед Отцом-Богом, различия материнской и отцовской любви отражены в «Хождении Богородицы по мукам», апокрифе XII века. Главная мысль этого произведения — готовность Богородицы заступиться за самого последнего грешника. Приведем две чрезвычайно, на наш взгляд, выразительные цитаты: «И сказала пресвятая архистратигу: «Единственную молитву обращаю к тебе, чтобы и я могла войти и мучаться с христианами, потому что они назвались чадами сына моего»; «Помилуй грешников, Владыка, так как я видела и не могу переносить их мучений, пусть буду и я мучаться вместе с христианами» (32, с. 289). Уже того, что они чада, достаточно, чтобы их любить. Богородица, таким образом, является ярким символом материнской любви. Бог, напротив, олицетворяет в этом источнике отцовскую

безжалостную справедливость: да, они дети, но недостойные дети, поэтому «...воздастся им по злобе их» (32, с. 290).

Однако необходимо сделать оговорку. На Руси существовало два направления в древнерусском христианстве (36, с. 51, 215; 38, с. 73; 40, с. 19). Представители первого (так называемой печерской идеологии, испытавшей сильное влияние аскетических византийских учений) полагали, что миром правит Бог — жестокий судья, безжалостно карающий грешников. Представители второго направления (митрополит Иларион, Владимир Мономах, Кирилл Туровский и другие), которое в большей степени отражало национальную самобытность Руси, воспринимали Христа как Бога милующего. В «Молитве» Илариона читаем: «Отринь гнев [Твой], [Боже] милостивый, которого достойны [Мы] по делам нашим...» (6, с. 122). «...В меру наказывай, но безмерно милуй, в меру уязвляй, но милостиво исцеляй, в меру ввергай в скорбь... Но яви кротость и милосердие [Твое], ибо Тебе подобает миловать и спасать...» (6, с. 123). Бог становится милосердным, обретая скорее материнские черты.

В древнерусских текстах можно встретить немало случаев иносказательного использования слов «отец» и «мать» (например, общеизвестное «Киев — мать городов русских»), анализ которых мог бы пролить свет на их дополнительные смысловые оттенки. Мы бы хотели остановиться на употреблении этих понятий при характеристике таких социальных институтов, как церковь и светская княжеская власть. Можно найти параллели между отношением к подданным церкви и княжеской власти, с одной стороны, и материнским милосердием и отцовской справедливостью, с другой. Принцип «печалования» — заступничества церкви перед царем, лежащий в основе ее социальной доктрины, способствовал тому, что церковь воспринималась как мать всех православных (39, с. 48), например в «Житии протопопа Аввакума» (3, с. 379) и «Повести о нашествии Тохтамышша» (20, с. 203). «Церковь всем нам как мать, одевающая и радующая всех вошедших в нее» (31, с. 295), — пишет Кирилл Туровский.

Государственная власть, персонифицированная князем, олицетворяла отцовское отношение к подданным (см., например, «Моление Даниила Заточника» (10, с. 393), «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (16, с. 327)). Вместе с тем в идеале князя, как и в образе Бога, обнаруживаются материнские черты. Так, Владимир Мономах и Дмитрий Донской известны как выдающиеся воины, воплотившие мужской идеал. Одновременно с этим в их образах очевидны, на наш взгляд, черты материнского отношения к подданным: Мономах «...был полон любви... приходивших к нему он поил и кормил, точно мать детей своих» (15, с. 377). Дмитрий «...безвинных любил, а виноватых прощал, никого не оскорблял, но всех одинаково любил» (30, с. 213). Любить «всех одинаково» — разве это не есть фактическое отрицание отцовского принципа справедливости?

Разумеется, в источниках можно встретить и исключения иного рода из описываемой в данной статье закономерности. Так, в «Повести о царице Динаре» (XVI век) Богородица приобретает скорее маскулинные черты («непобедимая воительница»). Это может быть объяснено тем, что образ главной героини повести — грузинской царицы Динары —

также наделен мужскими чертами. Женщина может стать хорошей правительницей, лишь преодолев несовершенную женскую природу, уподобившись мужчине (42, с. 34).

Итак, отцовская и материнская любовь воспринимались как два необходимых элемента отношений в семье, взаимно дополняющих друг друга. Выскажем предположение, что отцовская справедливость и материнская милость олицетворяют два начала в управлении вообще. Что касается их оценки, то мы не встретили в источниках негативного отношения к любви-справедливости. В то же время авторы средневековых произведений отмечали ущербность односторонней материнской любви. В «Житии Сергия Радонежского», например, сообщается, как мать предостерегала Сергия от излишнего воздержания, губящего плоть. Сергий в ответ возражал ей: «Это ты говоришь мне как мать, любящая свое чадо, как мать, радующаяся за своих детей, движимая естественной любовью», и далее противопоставлял «естественной любви» матери авторитет Священного Писания (4, с. 285). Частный взгляд на происходящие эпохальные события, личностное отношение к ним вызывают не только умиление, но и порицание. Авторы текстов — мужчины, и низкая оценка женской природы, характерная для средневековья, не могла не отразиться в восприятии особенностей материнской любви.

Проблема родительской любви, специфика материнского и отцовского отношения к детям обсуждалась и в историографии западноевропейского средневековья. Не касаясь разногласий в историографии по поводу существования в средние века любви родителей к детям, отметим, что даже в Италии XIV—XV веков, в эпоху расцвета гуманизма с его высокой оценкой семьи и брака, отношение к материнской любви было неоднозначным. С одной стороны, гуманисты признавали, что природа наделила мать особым долгом по отношению к ребенку. Франческо Барбаро, итальянский гуманист XV века, писал: «Вскармливая ребенка грудью, мать одновременно общается с ним, закрепляя возникающие отношения доброжелательства и любви <...> В одно и то же время мать может кормить, обнимать и целовать маленького» (34, с. 126). С другой стороны, гуманисты писали и о несомненных издержках женского воспитания для сыновей. Л. Б. Альберти, например, настаивал на том, чтобы «мальчики с ранних лет воспитывались среди мужчин, где они могут научиться больше добродетелям, чем порокам, отвыкая от обычаев и манер женщин» (33, с. 70). Другой гуманист, М. Веджо считал, что излишняя материнская жалость портит ребенка, мать дает ребенку слишком большую вольность, сюсюкает с ним, балует его, — и это мешает сыну стать мужественным и сильным человеком (см.: 41, с. 92-93).

Нам кажется, что в России материнская любовь ценилась выше, чем на Западе. Материнские черты преобладают над отцовскими и в образах Бога и правителя, которые, вероятно, должны были олицетворять мужское начало, отцовскую справедливость. Милость к падшим, сострадание к слабым и убогим обычно считаются национальными чертами русского менталитета. Приоритет милосердия над справедливостью, материнской любви над отцовской обуславливал специфические черты русского

национального характера. Такие мысли высказывались, например, Н. А. Бердяевым (35, с. 11, 27, 77). Но вопрос о различном отношении к материнской любви в западноевропейской и русской традициях слишком серьезен и требует специального исследования.

Библиографический список

1. Беседа отца с сыном о женской злобе // Памятники литературы Древней Руси, XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 487—498. Далее: ПЛДР.
2. Домострой. М., 1990. 304 с.
3. Житие протопопа Аввакума // ПЛДР, XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 351-397.
4. Житие Сергия Радонежского // ПЛДР, XIV—середина XV века. М., 1981. С. 256-429.
5. Задонщина // ПЛДР, XIV—середина XV века. С. 96—111.
6. Иларион. Молитва // Златоструй: Древняя Русь X—XIII вв. М., 1990. С. 122-123.
7. Иов. Повесть о житии царя Федора Ивановича // ПЛДР, конец XVI-нач. XVII века. М., 1987. С. 74—129.
8. Книга степенная царского родословия // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. 342 с.
9. Летописная повесть о Куликовской битве // ПЛДР, XIV-середина XV века. С. 112-131.
10. Моление Даниила Заточника // ПЛДР, XII век. М., 1980. С. 389-401.
11. Новая повесть о преславном Российском царстве // ПЛДР, конец XVI-шч. XVII века. С. 24-57.
12. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. 432 с.
13. Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского // ПЛДР, конец XVI-нач. XVII века. С. 58—73.
14. Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Там же. С. 130—145.
15. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. 404 с.
16. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // ПЛДР, XII век. С. 325-337.
17. Повесть об Ульянии Осорбиной // Русская повесть XVII века. М., 1954. С. 200-208.
18. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // ПЛДР, вторая половина XV века. М., 1982. С. 216—267.
19. Повесть о нашествии Батия на русскую землю: Ростовская летопись // За землю Русскую: Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. М., 1981. С. 140—157.
20. Повесть о нашествии Тохгамыша // ПЛДР, XIV-середина XV века. С. 190—207.
21. Повесть о некоем убогом отроце // Русская бытовая повесть XV—XVII веков. М., 1981. С. 342-347.
22. Повесть о Петре и Февронии Муромских // ПЛДР, конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. С. 626—647.
23. Повесть о Савве Грудцыне // Русская бытовая повесть XV—XVII веков. С. 309-328.
24. Повесть о стоянии на Утре // ПЛДР, вторая половина XV века. С. 514-521.
25. Повесть о Темир-Аксаке // ПЛДР, XIV-середина XV века. С. 230-243.
26. Повесть о царице Динаре // ПЛДР, конец XV—первая половина XVI века. С. 38-47.
27. Поучение Владимира Мономаха // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987. С. 59—70.
28. Пчела // Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.) М., 1989. С. 205-342.
29. Сказание о Мамаевом побоище // ПЛДР, XIV-середина XV века. С. 132—189.
30. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // Там же. С. 208—229.
31. Туровский Кирилл. Притча о человеческой душе // ПЛДР, XIII век. М., 1980. С. 291-309.

32. Хождение Богородицы по мукам // Златоструй. С. 282-290.
33. Alberti L. B. *Delia famigiia: I primi tri libri*. Firenze, 1946. 415 с
34. Barbaro F. *De re uxoria // Prosatori latini del Quattrocento*. Roma; Milano, 1952. P. 103—137.
35. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. 240 с.
36. Введение христианства на Руси. М., 1988. 307 с.
37. Замалеев А. Ф., Зоц В. Г. Мыслители Киевской Руси. Киев, 1981. 159 с.
38. Замалеев А. Ф., Овчинникова Е. А. Еретики и ортодоксы. М., 1991. 208 с.
39. Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
40. Кузьмин А. Г. «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. С. 8—34.
41. Ревякина Н. В. Гуманистическое воспитание в Италии XIV-XV веков. Иваново, 1993. 255 с.
42. Рябова Т. Б. Идеал женщины — правительницы дома в позднее средневековье: (По русским и итальянским источникам) // Женщины и российское общество: научно-исторический аспект. Иваново, 1995. С. 31—47.
43. Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3. 333 с.
44. Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 109—178.